

Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов*

К. Ю. Волошенко¹, К. А. Морачевская², А. А. Новикова³,
Е. А. Лыжина⁴, Л. В. Калиновский⁵

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта,
Российская Федерация, 236008, Калининград, ул. Александра Невского, 14

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

³ Калининградский государственный технический университет,
Российская Федерация, 236002, Калининград, Советский пр., 1

⁴ Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова,
Российская Федерация, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

⁵ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Российская Федерация, 119571, Москва, пр. Вернадского, 82

Для цитирования: Волошенко, К. Ю., Морачевская, К. А., Новикова, А. А., Лыжина, Е. А., Калиновский, Л. В. (2022). Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*, 67 (3), 409–430. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>

Внешнеторговые связи России в 2010-е годы развивались в условиях различных геополитических вызовов, которые привели к кардинальной трансформации объемов и географии экспортно-импортных операций. Для продовольственного сектора ключевым вызовом стало продовольственное эмбарго 2014 г., которое, в свою очередь, спровоцировало активизацию политики импортозамещения в агропромышленном комплексе (АПК) России. Величина импорта на продовольственном рынке, сложившийся уровень развития сельского хозяйства и производства продуктов питания, степень диверсификации и локализации сырьевых связей предприятий выступили дифференцирующими факторами во влиянии новых внешних вызовов на продовольственную самообеспеченность регионов. Калининградская область представляет особый интерес для исследования трансформации продовольственной самообеспеченности с учетом своего эксклавного положения, еще десятилетие назад невысокого уровня развития сельского хозяйства, тесных экспортно-импортных связей с европейскими странами до 2014 г. В работе проводится оценка продовольственной самообеспеченности, анализируются соответствующие ей территориально-отраслевые сдвиги в сельском хозяйстве и производстве продуктов питания и рассматриваются изменения импортной составляющей на рынке продовольствия Калининградской области. Используются данные федеральной службы государственной статистики, Калининградской областной таможни, а также результаты экспертных интервью и визуальных наблюдений, проведенных авторами в августе 2020 г. Выявлено, что трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области, с одной стороны, отражает общероссийские тренды, с другой — имеет уникальные черты. Уникальность связана

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00739. Картографические материалы подготовлены в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС при Президенте Российской Федерации.

со стремительными темпами роста сельского хозяйства в результате государственной поддержки. Кроме того, наблюдается сравнительно дисперсное распространение ключевых центров сельскохозяйственного производства, нетипичное для многих регионов «материковой» России. Бенефициарами открывшихся после продовольственного эмбарго 2014 г. свободных ниш на рынке, как и на большей части территории России, выступили крупные холдинги, но многие из них, в отличие от расположенных во внутренних районах страны, довольно остро переживали разрывы сырьевых связей.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, продовольственное эмбарго, продовольственная самообеспеченность, импортозамещение, Калининградская область.

1. Введение и постановка проблемы

Геополитические события 2010-х годов — кризисные события в Украине, продовольственное эмбарго 2014 г., периодические осложнения в российско-белорусских отношениях, вызывающие так называемые «молочные войны», — не могли не сказаться на продовольственных рынках многих российских регионов. Происходящие изменения в большей степени повлияли на крупные города (наиболее емкие рынки сбыта) и приграничные регионы (активно участвующие в экспортно-импортных отношениях). Новым внешним вызовом стала пандемия COVID-19. В отношении рынков продовольствия это имеет особое значение для приграничных регионов, где для потребительского поведения типичными являлись трансграничные поездки за покупками. Эксклавная Калининградская область — наиболее яркий акцептор описанных выше изменений. С учетом недостаточно высокого уровня развития сельского хозяйства в регионе еще десятилетие назад, исследование трансформации продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов представляет особый интерес.

Отдельные попытки оценить продовольственную самообеспеченность и продовольственную безопасность Калининградской области в целом предпринимались ранее (Никифорова, 2008, Федоров и др., 2019, Зорина, 2018). С участием одного из авторов статьи были разработаны методы и алгоритмы для оценки продовольственной безопасности приграничного региона (Федоров и др., 2019). В указанных работах утверждается, что Калининградская область значительно отстает по основным показателям продовольственной безопасности от средних значений по стране в целом и регионов Северо-Запада в частности (например, Никифорова, 2015). Продовольственное самообеспечение региона происходит лишь по немногим группам продуктов: зерновым, картофелю, рыбе и рыбным продуктам (Зорина, 2018).

Цель данной работы — оценить особенности и направления трансформации продовольственной самообеспеченности Калининградской области под влиянием внешних вызовов. Какова была динамика разных компонент, из которых складывается продовольственное самообеспечение Калининградской области, и каким было влияние новых факторов начиная с 2014 г.? Как изменилось сельское хозяйство и производство продуктов питания в регионе в условиях внешних вызовов? Кто явился бенефициарами открывшихся свободных ниш на рынке и как преобразовалась территориальная структура производства? На эти и другие вопросы мы попытаемся ответить в ходе оценки трансформации продовольственного самообеспечения Калининградской области.

2. Теоретический контекст

В отношении регионов России вопросы правомерности использования и содержания понятия «продовольственная самообеспеченность», равно как и других связанных с ним категорий — продовольственная независимость, продовольственная самодостаточность, остаются дискуссионными. Их изучение традиционно определяется границами и уровнем развития современной теории и методологии изучения экономической безопасности региона, включающей положения продовольственной безопасности (Федоров и др., 2019).

Официальная трактовка термина «продовольственная безопасность» появилась в 1974 г. на Всемирной продовольственной конференции в Риме. Продовольственная безопасность понималась как снабжение во все времена и во всем мире надлежащими основными продуктами питания в объемах, достаточных для поддержания неуклонного роста потребления продовольствия и регулирования колебаний производства и цен. С 1996 г. основными индикаторами продовольственной безопасности стали физическая и экономическая доступность продовольствия для населения. В 2009 г. в ходе Всемирного саммита по продовольственной безопасности в ее понятие был дополнительно включен «социальный доступ» как отражение темы социального неравенства в мире.

В России термин «продовольственная безопасность» был введен в нормативное поле только в 2010 г., хотя первые попытки предпринимались еще в 1990-х годах. В 2010 г. указом президента РФ была принята Доктрина продовольственной безопасности. Продовольственная безопасность в ней трактовалась как «состояние экономики страны, при котором обеспечивается продовольственная независимость Российской Федерации, гарантируется физическая и экономическая доступность для каждого гражданина страны пищевых продуктов, соответствующих требованиям законодательства Российской Федерации о техническом регулировании, в объемах не меньше рациональных норм потребления пищевых продуктов, необходимых для активного и здорового образа жизни»¹. Стоит отметить, что приведенное определение, в отличие от трактовок продовольственной безопасности Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), ориентируется на решение задачи продовольственного самообеспечения страны, а при ее оценке в меньшей степени затрагиваются проблемы экономической и физической доступности продовольствия. Вслед за Доктриной началось формирование нормативных правовых документов по продовольственной безопасности на уровне субъектов РФ.

В 2020 г. в Указе Президента «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации»² (далее — Доктрина) были внесены изменения в определение понятия «продовольственная безопасность» (продовольственная безопасность в новой трактовке определяется как состояние социально-экономического развития страны, а не как состояние экономики), увеличено число задач для достижения продовольственной безопасности, а также количество рисков и угроз.

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ президента РФ от 30 января 2010 года № 120. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ президента РФ от 21 января 2020 года № 20. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Понятие продовольственной безопасности не только на национальных уровнях трактуется неоднозначно, в работах ученых также не сложилось единого подхода. В зарубежной литературе трактовка преимущественно основывается на определении ФАО (Leroу, 2015; Singh et al., 2014), хотя выдвигаются и альтернативные подходы. Так, в работе Дж. Уптона и соавторов продовольственная безопасность выступает как категория устойчивости (Upton et al., 2016). Некоторые исследователи рассматривают данное понятие в контексте «международной (национальной) экономической безопасности». В работах Н.И. Шагайды и В.Я. Узун (Шагайда и Узун, 2015а), а также И.В. Троцук и соавторов (Троцук, 2018) определение продовольственной безопасности соотносится с трактовкой ФАО, т.е. продовольственная безопасность выступает в большей степени не как экономическая категория, а как социальная.

Наблюдаемые расхождения при изучении вопросов продовольственной безопасности на страновом уровне порождают еще большие понятийные разрывы при рассмотрении указанной категории применительно к регионам. Понятие продовольственной безопасности региона за рубежом используется достаточно редко. Намного чаще встречается анализ региональных продовольственных систем (Born, 2006; Donald et al., 2010; Kneafsey, 2010 и др.). Работы, посвященные продовольственной безопасности на уровне регионов отдельных государств, как правило, затрагивают развитые страны и проводятся в контексте необходимости выхода из глобальных продовольственных цепочек для удовлетворения продовольственных потребностей населения (Ostry and Morrision, 2013; Hinrichs, 2013). В развивающихся странах преобладает контекст оценки продовольственной безопасности с социальной стороны, поэтому основным объектом для исследования выступают домашние хозяйства (Rooyen and Sigwele, 1998) и сельские поселения (Graef et al., 2014).

В России, по мнению отдельных авторов, выделение на уровне регионов продовольственной безопасности, равно как и продовольственного самообеспечения и продовольственной независимости, в самостоятельный вопрос неприемлемо. Понятие продовольственной безопасности региона вступает в противоречие с федеративным устройством страны, основанным на ее целостности (например, Федоров и Курдюмов, 2013; Троцук и др., 2018; Виссер и др., 2015 и т.д.). В то же время и рассмотрение продовольственного самообеспечения регионов может вести к утрате экономических преимуществ территориального разделения труда (Зотов, 2006). Политика продовольственного самообеспечения значительно переоценивает аграрно-производственный потенциал регионов (например, территории Крайнего Севера Сибири, Дальнего Востока, Европейской части России) или не учитывает вообще его отсутствие (Москва и Санкт-Петербург) (Корнекова, 2015). Продовольственную независимость предлагается определять только на уровне страны (Федоров и Курдюмов, 2013). В соответствии с Доктриной, продовольственная независимость представляет собой самообеспечение страны основными видами отечественной сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия. Вклад каждого региона в достижение продовольственной независимости РФ определяется уровнем его продовольственного самообеспечения, которое предполагает удовлетворение большей части потребности населения в продовольствии за счет внутреннего производства. С учетом уровня продовольственного самообеспечения и эффективности межрегиональных связей внутри страны, реализуемых на-

правлений государственной политики в области бюджетной поддержки субъектов РФ формируется продовольственная самодостаточность.

Между тем неоднородность природно-климатических условий производства сельскохозяйственной продукции, социально-экономических показателей, неравномерность расселения населения, а также удаленность от центра и регионов-доноров пищевой продукции, границ и транспортных путей, с точки зрения некоторых исследователей, обосновывает правомерность выделения продовольственной безопасности региона (Водясов, 2018). При этом продовольственная безопасность как составляющая экономической безопасности для отдельных типов регионов, например имеющих приграничное положение, приобретает особенности и индивидуальные черты. На уровне приграничных регионов необходимо учитывать дифференцированное влияние вызовов и угроз, меняющихся вдоль российской границы, а также различия в потенциале и ресурсах регионов, в том числе достаточных для обеспечения продовольствием (Волошенко, 2021).

По отношению к Калининградской области с учетом ее эксклавного положения принципиальным является оценка независимости не только от импорта, но и от ввоза продукции из других регионов России. С учетом высокой транспортной составляющей для области ввоз продовольствия из регионов России может существенно подрывать ее экономическую доступность для населения. Соответственно, сбалансированная продовольственная самообеспеченность региона, ввоз и импорт продукции составляют источники продовольственной безопасности.

Измерение и оценка продовольственной безопасности, в частности самообеспеченности, производится чаще всего на основании методики, предложенной ФАО. В рамках этой методики выполняются измерения более чем по 40 индикаторам, объединенным в несколько групп: наличие продуктов (уровень производства, объем экспорта и импорта продукции и т. п.); доступность продовольствия (экономическая возможность приобретения продовольствия); стабильность продовольственного обеспечения (оценка обеспечения продовольствием в различные периоды времени); продовольственное потребление (соответствие уровня потребления продовольственных продуктов установленным нормам) (Шагайда и Узун, 2015б). Согласно Доктрине, оценка продовольственной безопасности выполняется на основании анализа достижения пороговых значений целевых показателей (к ним относятся продовольственная независимость, экономическая доступность, физическая доступность, соответствие требованиям законодательства Евразийского экономического союза о техническом регулировании). Помимо указанных категорий, исследователи предлагают учитывать качество и безопасность продукции (Филиппов, 2017), устойчивость продовольственной системы (Ускова и др., 2014), социальную доступность продовольствия (Водясов, 2018).

3. Материалы и методы

Исследование проводилось в несколько этапов.

На первом этапе анализировалась динамика двух показателей, связанных с продовольственной независимостью России, определенной Доктриной в соответствии с вкладом каждого региона: продовольственная самообеспеченность и экономическая доступность продовольствия.

При проведении расчетов по отдельным наиболее сложным и спорным позициям авторы опирались на собственные более ранние разработки (Волошенко, 2021; Федоров и др., 2019), а также методические положения работы (Шагайда и Узун, 2015а).

Продовольственная самообеспеченность измеряется через отношение объема местного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия к объему их внутреннего потребления. Оценивается уровень достижения пороговых значений индикаторов, установленных Доктриной: не менее 95 % — зерно и картофель; не менее 90 % — сахар, растительное масло, молоко и молокопродукты, овощи и бахчевые; не менее 85 % — мясо и мясопродукты, рыба и рыбопродукты, соль пищевая; не менее 80 % — семена основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции; не менее 60 % — фрукты и ягоды. В отношении продовольственного потребления региона делается следующее допущение: оно должно стремиться или соответствовать установленному среднероссийскому уровню. Основную проблему в измерениях составляет дискуссионный вопрос, связанный с учетом вывоза и экспорта во внутреннем производстве, поэтому в настоящей работе используется формула для расчета уровня самообеспечения по балансу продовольственных ресурсов³:

$$Z_{н.г} + Пр + (И + Ввоз) = ПП + П + (Э + Вывоз) + ФЛП + Z_{к.г} \quad (1)$$

где $Z_{н.г}$, $Z_{к.г}$ — запасы продовольствия соответственно на начало и конец года; Пр — производство за период; И, Ввоз — импорт и ввоз продовольствия из регионов России; ПП — производственное потребление; П — потери; Э, Вывоз — экспорт и вывоз продовольствия в регионы России; ФЛП — фонд личного потребления⁴.

Из формулы (1) получаем отношение собственного производства с учетом экспорта и вывоза к внутреннему потреблению, которое характеризует уровень продовольственного самообеспечения региона:

$$K_i^{ПС} = \frac{Пр + (Z_{н.г} - Z_{к.г})}{(ФЛП + ПП + П)} \cdot 100, \quad (2)$$

где $K_i^{ПС}$ — уровень продовольственного самообеспечения по i -му продукту, %.

Оценка продовольственной самообеспеченности Калининградской области производилась по основным товарным группам, производство которых представлено в регионе. Вследствие этого не учитывались установленные Доктриной следующие виды продукции: сахар, масло растительное, соль пищевая. Исключены из анализа также рыба и рыбная продукция. Во-первых, Росстатом Методика составления баланса рыбы и рыбопродуктов была утверждена только в 2020 г., поэтому статистические данные по субъектам РФ⁵ в свободном доступе пока отсутствуют. Во-вторых, производство рыбы и рыбопродуктов в Калининградской

³ Балансы продовольственных ресурсов, 2007–2017 г. Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13277> (дата обращения: 26.09.2021); Балансы продовольственных ресурсов, 2018, 2019. Росстат. <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13278> (дата обращения: 26.09.2021).

⁴ По зерну и зернобобовым личное потребление отсутствует, оценивается использование зерна, продуктов его переработки для переработки на продукцию.

⁵ Приказ Федеральной службы государственной статистики (Росстат) Минэкономразвития России № 389 от 16 июля 2020 г. «Об утверждении Методики составления баланса рыбы и рыбопро-

области для целей оценки продовольственной самообеспеченности можно считать избыточным (производство более 300 тыс. т в год при личном потреблении на уровне 20 тыс. т в год)⁶. Продукция преимущественно вывозится в регионы РФ и направляется на экспорт при полном удовлетворении внутренних потребностей региона. В работе не оценивалась доля семян основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции по причине отсутствия в открытом доступе статистических данных. Дополнительно рассматривается производство яиц, которое широко представлено в регионе и активно развивается в последние годы.

Экономическая доступность продовольствия оценивается как отношение фактического потребления основной пищевой продукции на душу населения к рациональным нормам ее потребления, отвечающим требованиям здорового питания. В расчетах использованы рекомендации по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, разработанные в 2016 г. Министерством здравоохранения РФ, с учетом изменений, внесенных в 2020 г.⁷ Рациональные нормы потребления представляют собой среднедушевые величины основных групп пищевых продуктов, обеспечивающих потребность в веществах и энергии, а также разнообразие потребляемой пищи. Так как потребление продуктов в Калининградской области в целом не обусловлено этническими особенностями или природно-климатическими условиями проживания населения, то его можно принять на среднероссийском уровне. Кроме того, в связи с отсутствием разработанных и утвержденных рациональных норм на уровне субъектов РФ отечественные исследователи вынуждены ориентироваться на среднероссийский уровень (Шагайда и Узун, 2015а).

При изучении экономической доступности продовольствия обычно учитывается уровень доходов населения и цен на продукты питания. В соответствии с методикой, изложенной в работе (Шагайда и Узун, 2015а), авторами оценена степень удовлетворения потребности населения региона в основных продуктах питания. Анализировалось отношение стоимости наборов питания по рациональным нормам с фактическими расходами населения на их потребление. В случае отношения меньше 100 % фиксируется ситуация, когда уровень доходов или цены не позволяют обеспечить потребление по рациональным нормам.

На втором этапе работы выполнялась оценка пространственно-временной динамики сельского хозяйства и производства продуктов питания в Калининградской области в период после 2014 г. Было важно не только зафиксировать динамику основных показателей, но и установить, как менялась территориальная и частично организационная структура производства в новых условиях, как результаты политики импортозамещения повлияли на продовольственную безопасность региона.

дуктов для определения среднедушевого уровня их потребления». URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/hZfgYRzC/met-balans.pdf> (дата обращения: 05.03.2022).

⁶ «Рыбохозяйственный комплекс Калининградской области» (в рамках Государственной программы Калининградской области «Развитие рыбохозяйственного комплекса на 2014–2019 гг. I этап»): аналитическая записка. Калининград: Калининградстат, 2020.

⁷ Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 19 августа 2016 г. № 614 «Об утверждении Рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающих современным требованиям здорового питания». Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Источниками данных выступали официальные статистические сведения, а также материалы, собранные в ходе полевых исследований, выполненных авторами в августе 2020 г. Тогда были проведены экспертные интервью с представителями калининградского научного сообщества, местных администраций приграничных муниципалитетов, а также рядом малых производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия (занимающихся производством сыров, выращиванием овощей и ягод) (18 интервью). Экспертные интервью затрагивали такие темы, как изменение экспортно-сырьевых связей предприятий, динамика конкретных рыночных сегментов (цены, ассортимент, конкуренция), влияние продовольственного эмбарго 2014 г. и пандемии COVID-19, особенности государственной поддержки сельского хозяйства и производства продуктов питания. Кроме того, косвенным источником данных выступали визуальные обследования торговых точек в г. Калининграде и других населенных пунктах региона. Проводилась фиксация ассортимента молочной, мясной и плодоовощной продукции в магазинах разных типов.

На третьем этапе оценивалась динамика основных импортных торговых потоков продовольствия в Калининградскую область с учетом объема и географии поставок. Использовались данные Калининградской областной таможни.

4. Результаты исследования

Опираясь на результаты исследования можно сказать, что продовольственная самообеспеченность региона растет на всем рассматриваемом интервале после 2014 г. (табл. 1). Нормативный уровень фиксируется по зерну и зернобобовым, картофелю, а по итогам 2019 г. — по мясу и мясопродуктам, достаточно высокий уровень наблюдается по яйцу.

Несмотря на рост обеспечения по молоку и молокопродуктам, а также фруктам и ягодам за указанный период почти в 1.3 и 2 раза соответственно, норматив продовольственной самообеспеченности пока не достигнут. Наиболее импортозависимые отрасли рынка продовольствия не преодолели последствия эмбарго 2014 г. В среднем за 2013–2019 гг. по продуктовым позициям продовольственная самообеспеченность росла на 3–7 % в год, наибольшие изменения заметны по категории фруктов и ягод, где средний рост за период составил почти 115 %.

В измерении экономической доступности продовольствия учитывалась разница между показателями потребления по балансам продовольственных ресурсов (БП) и выборочным обследованием бюджетов домашних хозяйств (БДХ) (табл. 2). По БП потребление продуктов несколько выше, чем по БДХ, однако по достижению рациональных норм потребления оценки совпадают. Исключение составляет потребление картофеля и яиц — по БДХ рациональные нормы не достигнуты, а по БП наблюдается обратная ситуация. В целом по региону отмечается высокий уровень потребления продуктов, кроме молока и молочной продукции, овощей и бахчевых, а также фруктов и ягод. При этом по данным БДХ по большинству продуктовых позиций после 2014 г. происходило сокращение потребления по отношению к рациональным нормам, а его восстановление отмечается только в последние два года. На уровень самообеспечения оказывали влияние не только ограничения по ввозу продовольствия, введенные с 2014 г., но и в целом изменение доходов населения. Это объясняется высокой импортной зависимостью экономики

Таблица 1. Уровень продовольственной независимости Калининградской области, %

Продукция	Норматив Доктрины	Год						
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Зерновые и зернобобовые культуры	95	161.3	202.4	260.7	201.9	155.2	211.7	187.8
Картофель	95	86.7	88.1	92.7	95.5	95.8	97.3	102.7
Молоко и молочные продукты	90	58.1	54.7	75.0	75.5	74.4	76.1	76.1
Мясо (включая субпродукты) и мясопродукты	85	57.2	57.5	64.1	65.9	70.8	75.1	87.2
Овощи и бахчевые культуры	90	53.2	53.9	61.3	63.5	55.9	66.0	66.4
Фрукты и ягоды	60	25.0	30.6	35.6	46.3	46.9	48.1	52.6
Яйца	–	69.1	63.0	70.5	73.9	79.9	85.4	79.9

Источник: собственные расчеты авторов.

Таблица 2. Уровень достижения рациональных норм потребления продуктов питания, %

Продукты питания	Год													
	2013		2014		2015		2016		2017		2018		2019	
	БДХ	БП												
Молоко и молочная продукция	90	82	92	86	84	70	85	70	80	69	75	69	76	68
Сахар	140	179	138	179	130	183	128	188	119	188	118	188	122	188
Картофель	86	124	88	126	83	127	83	120	81	119	77	119	73	108
Масло растительное	114	109	112	111	113	113	98	115	96	117	91	118	91	119
Мясо и мясопродукты	148	130	152	126	143	121	139	121	136	122	131	119	131	119
Овощи и бахчевые	80	83	81	82	79	77	78	76	68	75	69	79	69	76
Фрукты и ягоды	84	81	83	75	71	65	63	68	58	65	57	68	68	69
Хлебные продукты	100	110	105	110	103	111	98	110	95	110	93	111	94	113
Яйца	95	107	96	108	93	109	91	107	92	108	93	111	103	110

Примечание. БДХ — выборочное обследование бюджетов домашних хозяйств; БП — балансы продовольственных ресурсов.

Источник: рассчитано на основе данных Росстата и ЕМИСС⁸.

⁸ Потребление основных продуктов питания населением Калининградской области в 2015–2019 годах: статистический сборник. Калининград: Калининградстат, 2020; Потребление основных продуктов питания населением Калининградской области в 2014–2018 годах: статистический сборник. Калининград: Калининградстат, 2019.

Таблица 3. Уровень фактического потребления продуктов к рациональному набору, %

Показатель	Год						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Отношение стоимости фактически потребленного набора продуктов к рациональному	77.5	74.9	78.9	79.1	79.1	79.2	80.6

Источник: рассчитано по данным ЕМИСС и Росстата.

Калининградской области, для которой в течение последующего периода (с 2016 по 2019 г.) было характерно снижение реальных располагаемых денежных доходов населения.

На исследуемом интервале времени дополнительно проведена оценка отношения стоимости фактически потребленного набора продуктов к рациональному по нормам, рекомендуемым Министерством здравоохранения РФ. Для каждого года определена стоимость продуктового набора посредством перемножения рекомендуемых (рациональных) норм потребления продуктов на их текущие цены⁹, а также использованы данные Росстата о фактических годовых расходах населения на питание¹⁰ (табл. 3). На всем временном интервале показатель оказывается ниже 100 %. Это свидетельствует о том, что в среднем житель региона по сумме сложившихся расходов на питание не имел возможности обеспечить потребление по рациональным нормам.

Однако отмечается и положительная динамика показателя, что свидетельствует о реальном росте потребления с точки зрения формирующихся у населения доходов и установленных цен на рынке. Таким образом, сокращение потребления продовольствия в регионе обусловлено не столько физическим ограничением импорта продовольствия (включая ввоз из регионов РФ), сколько снижением реальных доходов населения.

Подобная характерная для страны в целом тенденция осложняется региональной спецификой. Сильное влияние на экономику региона, а следовательно, на формирование доходов, оказали изменившиеся институциональные условия: в 2016 г. завершился десятилетний переходный период, в котором одновременно действовали режимы Особой экономической зоны-2006 (ОЭЗ-2006) и Особой экономической зоны-1996 (ОЭЗ-1996) и сохранялись таможенные льготы на импорт и вывоз продукции. После 2016 г. компенсациями по таможенным льготам воспользовалось небольшое количество предприятий, в основном из числа крупных региональных производителей. Данная ситуация подтверждается динамикой импорта, экспорта и вывоза продукции в регионы РФ. Как следствие, в условиях происходящих геополитических и институциональных изменений доходы значительной части населения снизились, а потребление продовольствия стало сокращаться.

Представляется важным проанализировать, как описанные выше изменения коррелируют с трансформационными процессами в развитии сельского хозяйства

⁹ ЕМИСС: Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги. URL: <https://www.fedstat.ru/индикатор/31448> (дата обращения: 29.09.2021).

¹⁰ Росстат: Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11110/document/13271> (дата обращения: 29.09.2021).

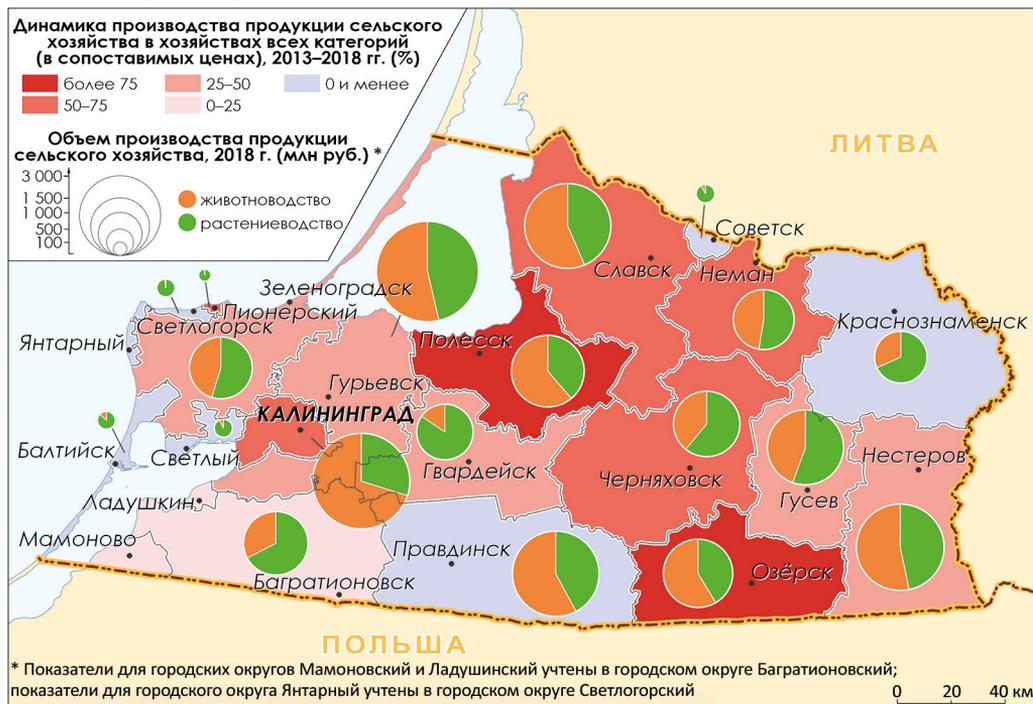

Рис. 1. Динамика производства продукции сельского хозяйства в 2013–2018 гг. Рис. 1–5 составлены авторами по: База данных показателей муниципальных образований¹¹

и производства продуктов питания в регионе. Для большей части территории Калининградской области в рассматриваемый период была характерна устойчиво положительная динамика сельскохозяйственного производства (рис. 1). Территориальная структура сельского хозяйства осталась сравнительно равномерной в отличие от типичной для многих регионов Европейской России картины с ярким доминированием одного-двух пристоличных муниципалитетов.

Посевные площади сельскохозяйственных культур в регионе увеличились на 49% в период с 2013 по 2019 г. Остановимся подробнее на тех отраслях, которые оказались под влиянием продовольственного эмбарго. Широкие возможности к импортозамещению были открыты в производстве овощей, плодов и ягод. Валовой сбор овощей в 2013–2019 гг. увеличился на 20% (с 63 до 76 тыс. т). Подобный рост был обеспечен несколькими муниципалитетами (рис. 2), в которых появились крупные тепличные комплексы. К традиционному лидеру по производству овощей — Гурьевскому городскому округу (ГО), окружающему областной центр, добавились Черняховский, Багратионовский ГО и Калининград. Значимые успехи также были продемонстрированы Гвардейским ГО. Наибольшие объемы обеспечиваются несколькими игроками рынка, в частности компанией ООО «Орбита-Агро» (появилась еще в 2006 г.).

Практически во всех муниципалитетах Калининградской области в период с 2013 по 2019 г. вырос валовой сбор плодов и ягод (более чем на 50%). Для Калинин-

¹¹ URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 24.10.2021).

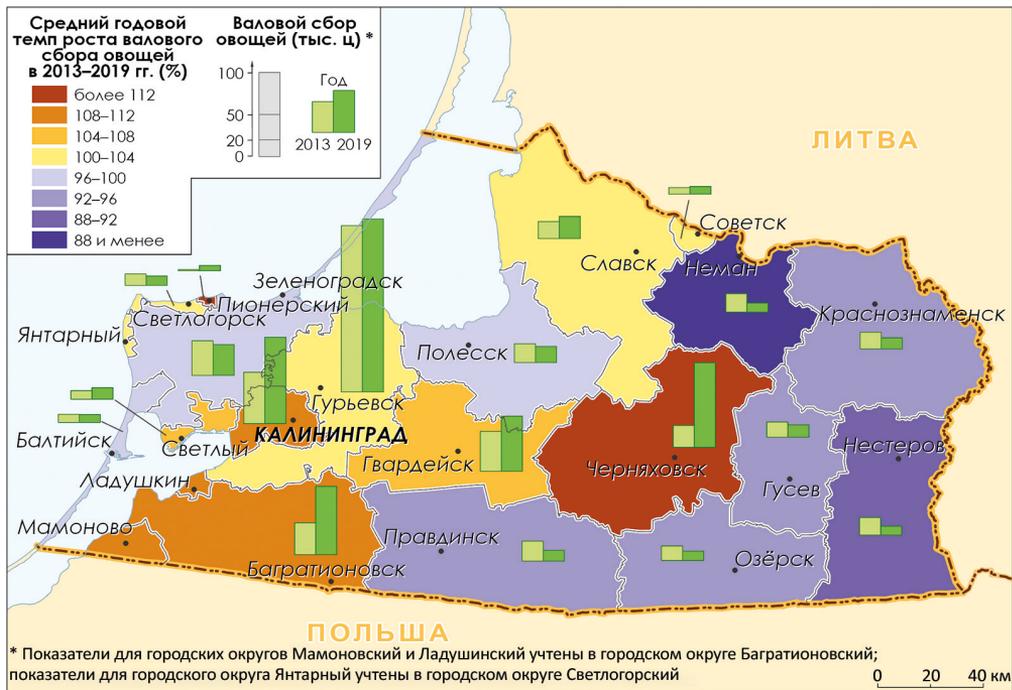

Рис. 2. Динамика валового сбора овощей в 2013–2019 гг.

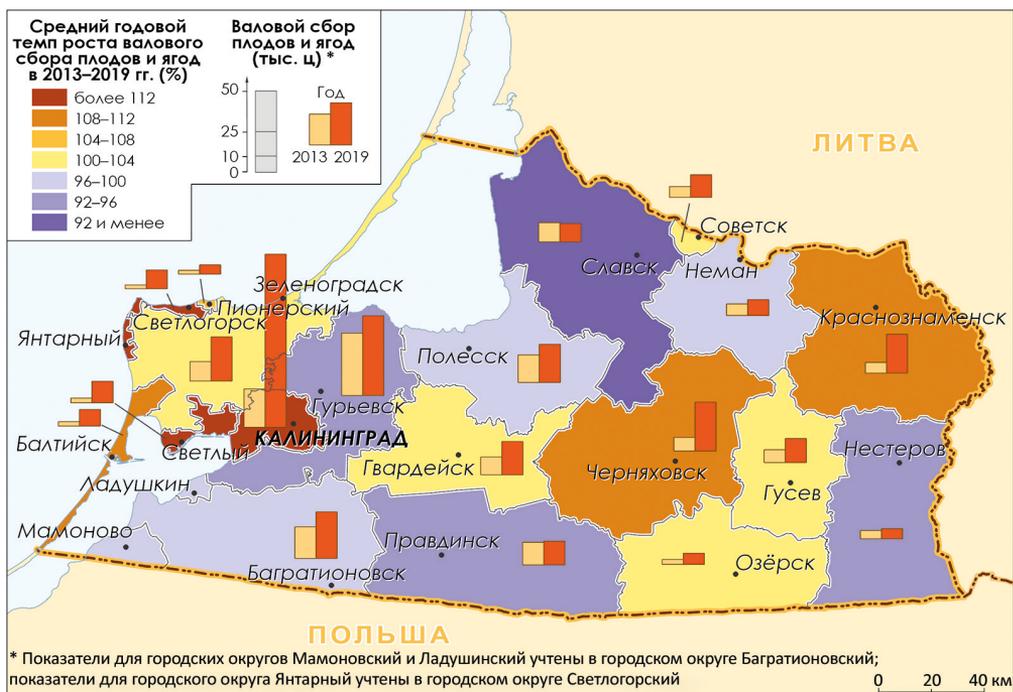

Рис. 3. Динамика валового сбора плодов и ягод в 2013–2019 гг.

града данный показатель увеличился в 4.5 раза. Лидирующие позиции также характерны для Гурьевского, Светлогорского, Черняховского, Краснознаменского и Багратионовского ГО (рис. 3). С 2015 г. ежегодный прирост плодово-ягодных насаждений в регионе составлял порядка 250 га. Подобные темпы можно назвать фактически галопирующими, однако покрытие потребностей в продукции все еще не произошло (что вполне объяснимо с учетом сроков, необходимых, например, на рост яблонь и других плодовых деревьев). Кроме того, выращивание яблок в основном сконцентрировано в фермерских хозяйствах. В ягодном направлении более значимую роль играют крупные холдинги (например, упомянутая выше компания «Орбита-Агро»).

В животноводстве произошли также заметные изменения. В 2013 г. 40 % молочной продукции, представленной на продовольственном рынке Калининградской области, импортировалось из зарубежных стран, а местными производителями обеспечивалось порядка 30 % (Зорина, 2018). Объем производства молока в целом по региону увеличился за 2013–2019 гг. на 24 % (с 148.8 до 184.9 тыс. т; для сравнения: за предшествующий пятилетний период рост был всего на 3.8 %). Доля сельскохозяйственных организаций в общем объеме производства увеличилась довольно заметно — на 10 % (до 59 %). В период до продовольственного эмбарго надои на одну корову в сельскохозяйственных организациях составляли скромные 5444 кг. К 2019 г. данный показатель вырос до 7771 кг. Это значение все еще далеко от высокопродуктивных хозяйств «материковой» России, однако произошедший рост можно назвать стремительным. Подобные успехи связаны с ростом племенного поголовья крупного рогатого скота (КРС) в регионе, что активно поддерживалось региональными властями в рамках общестранового курса на импортозамещение. В последние годы крупным агропромышленным холдингом (АПХ) «Залесье» открыт узкоспециализированный селекционно-генетического центр по молочному скотоводству.

На «молочной карте» наибольший успех виден в Полесском ГО, что связано с деятельностью АПХ «Залесье», обеспечивающим полный цикл — от производства молока до его переработки (рис. 4). Сейчас предприятие производит более 50 % молока в регионе. Значительно увеличились также объемы производства молока в Славском ГО (ООО «Малиновка», ООО «Новое Высоковское», также входят в АПХ «Залесье») и Нестеровском ГО (ООО «Молочная фабрика» в составе агрохолдинга «ДолговГрупп»; АО «Ясное» в составе холдинга «Агроскандия холдинг»), хотя и в 2013 г. они были лидирующими в регионе. Таким образом, как и в других регионах России, на что указывают предыдущие исследования (Морачевская и др., 2020 Шагайда и Узун, 2015б), бенефициарами политики импортозамещения стали крупнейшие игроки рынка, которые концентрируют все большие объемы производства.

Производство мяса в период с 2013 по 2019 г. выросло на 85 % (с 50.3 до 93.4 тыс. т) (рис. 5). Наиболее быстрыми темпами развивались свиноводство и птицеводство. Успехи свиноводства связаны преимущественно с деятельностью датской компании РБПИ Групп (Russia Baltic Pork Invest AS), входящей в топ-10 производителей свинины в России. В птицеводстве объемы производства наращивали птицефабрики, входящие в Агрохолдинг «ДолговГрупп» и ГК «Продукты Питания» — также известные крупные компании в регионе. Кроме того, Калининградская область активно осваивается АПХ «Мираторг» (ООО «Калининградская мясная компания»). Однако убой выращенного скота осуществляется в Брянской

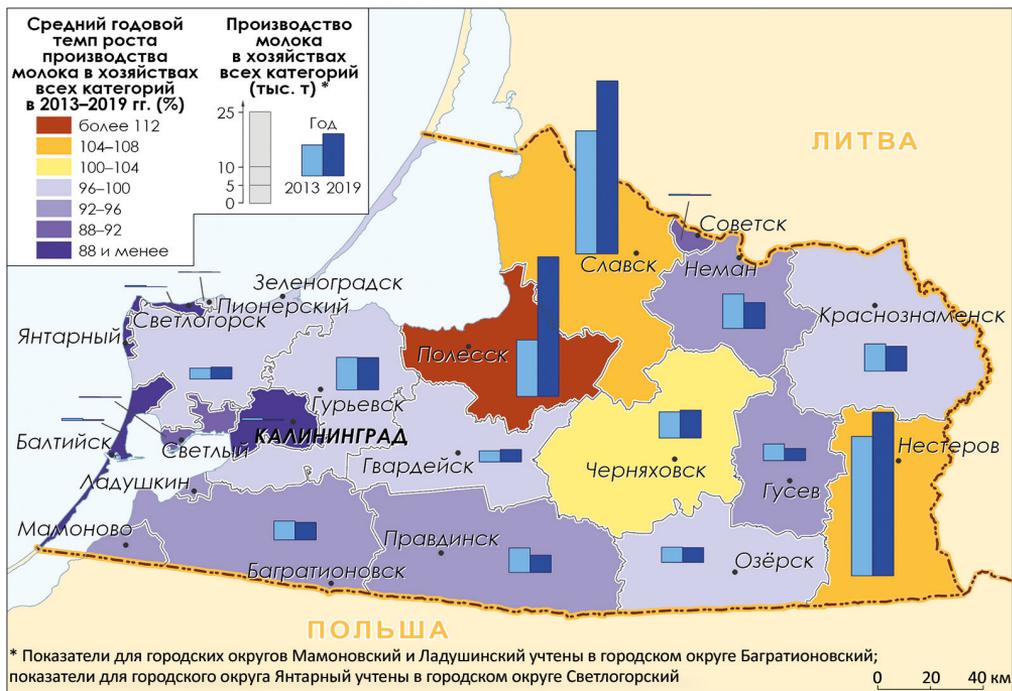

Рис. 4. Динамика производства молока в 2013–2019 гг.

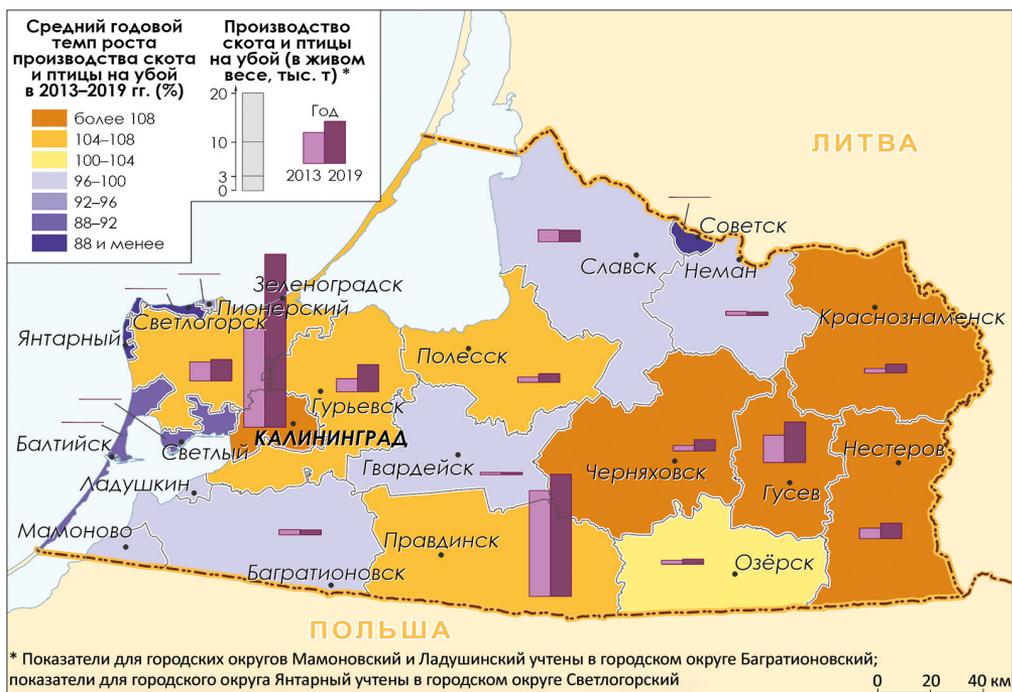

Рис. 5. Динамика производства скота и птицы на убой в 2013–2019 гг.

области, поэтому это не учитывается в региональной статистике производства мяса и, что важнее, не удешевляет стоимость говядины для населения российского эксклава.

Таблица 4. Динамика производства продуктов питания в 2013–2019 гг.

Продукты питания	Год						
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мясо и субпродукты всего, тыс. т	33.8	43.4	46	48.5	47.7	20.5	16.5
Колбасные изделия, тыс. т	118.5	91.8	76.3	70.1	53.3	54.6	54.5
Цельномолочная продукция, тыс. т	75.9	73.2	44.5	45.6	48.7	45.2	40
Сыры и творог, тыс. т	8.4	10.6	11.4	14.1	15.5	12.7	13.2
Масло сливочное и пасты масляные, тыс. т	1.3	1.5	1.7	1.6	1.9	2	2
Кондитерские изделия, тыс. т	39	55.7	52.6	45.3	31.8	21.6	24.9
Хлеб и хлебобулочные изделия, тыс. т	52.1	52.8	53.7	54.8	51.1	49.9	50.1
Рыба и продукты рыбные переработанные и консервированные, тыс. т	370.3	357.3	363	341.5	369.7	370.9	354.7
Консервы рыбные — всего, млн. усл. банок	177.1	183.7	209.2	176.6	175.6	180.5	157.7
Рыба мороженая, тыс. т	185.5	175.2	197.1	182.7	н/д	228.1	218.7

Составлено по данным региональных статистических ежегодников Росстата.

В отличие от сельского хозяйства, активно поддерживаемого из областного и федерального бюджетов, в производстве пищевых продуктов можно увидеть негативные изменения (табл. 4). Так, на 40 % сократилось производство колбасных изделий, что связано в первую очередь с дефицитом сырья из-за возникшего запрета на его ввоз. Например, прекратили существование «Сибирский деликатес Калининград» и «Черняховский мясокомбинат». Визуальное обследование торговых точек в разных населенных пунктах Калининградской области подтвердило, что отдельные производители все же сохранили позиции на рынке. К их числу относится компания «Альмак». После смены собственника завода в 2017 г. колбасное производство существенно расширило ассортимент выпускаемой продукции, включая элитные сорта (прошутто, брезаола и др.).

В более благоприятном положении оказалось производство молочной продукции. В ходе полуструктурированных интервью с населением в основном отмечалась удовлетворенность ассортиментом цельномолочной продукции местного производства, хотя фактически наблюдается падение производства. К числу наиболее часто упомянутых торговых марок относился при этом «Залесский фермер». Несмотря на то, что в регионе выросло производство сыров (с 8.4 до 13.2 тыс. т в 2013–2019 гг.), многими жителями негативно оценивается качество появившихся на полках магазинов аналогов как регионального, так и другого происхождения. Самые положительные оценки при этом звучат как «удовлетворительно», «нор-

Рис. 6. Доля продовольствия в экспорте и импорте РФ и Калининградской области. Рассчитано по данным Росстата и ЕМИСС¹²

мально» и «терпимо». Вероятнее всего, речь идет о характеристике продукции масс-маркета. В то же время в Калининградской области появилось значительное количество так называемых крафтовых сыроварен, продукция которых сопоставима по качеству и ассортименту с «санкционными» аналогами (до падения рубля, однако, была несопоставима по цене). Наиболее известным примером является сыроварня «Тильзит-Рагнит» в г. Немане. В качестве других небольших производств можно назвать Shaakendorf (Гурьевский ГО), «Соболев сыр», Koenigskaese, Cheesarium (все три — Калининград), Branden (Гусевский ГО), «Инстербург» (Черняховский ГО) и др. В ходе экспертных интервью с руководителями сыроварен выяснилось, что на появление предприятий, стратегию их развития значительное влияние оказали внешние факторы, открытие новых товарных ниш в 2014 г., но на текущее состояние и проблемы влияют прежде всего внутривосточные факторы — снижение покупательной способности населения. Неслучайно многие упомянутые сыроварни ориентируются на туристическую составляющую бизнеса (проведение экскурсий на предприятие, дегустаций, мастер-классов, открытие ресторанов), так как исключительно за счет продажи произведенного сыра сложно достичь прибыльности.

Рынок молочных и мясных продуктов достаточно быстро был заполнен также товарами белорусского происхождения, что подтверждается как экспертными интервью, так и собственными визуальными оценками авторов.

Динамика продовольственной самообеспеченности особенно интересна на фоне трансформационных сдвигов в экспортно-импортных операциях. В данном направлении Калининградская область существенно отличается от общероссийских трендов, как по доле продовольствия в общем объеме внешней торговли, так и по динамике ее изменения в 2013–2019 гг. (рис. 6).

¹² Внешняя торговля Калининградской области // Товарная структура экспорта и импорта региона. URL: <https://kobl.t.customs.gov.ru/statistic/vneshnyaya-torgovlya-kaliningradskoj-oblasti> (дата

Показатели по Калининградской области аналогичны по направленности общероссийским только в отношении доли экспорта, но и здесь существенно отличается порядок данных. Так, продовольствие в экспорте региона выросло с 28 до 79,6 % к 2019 г. Уровень, близкий к 79 %, стабильно сохраняется в течение последних трех лет. Доля продовольствия в импорте региона также увеличилась с 18 до 24 % в 2019 г. В 2020 г. продовольствие в общем импорте региона составило уже 30 %.

Более показательны изменения в объемах импортных операций по отдельным товарным позициям. Так, за 2013–2019 гг. импорт молочной продукции сократился в 3,8 раза, мяса и мясных субпродуктов — в 3,4 раза, овощей — в 2,6 раз. В географии поставок произошли очевидные сдвиги: доля стран СНГ выросла с 3 до 16 %, а стран дальнего зарубежья соответственно снизилась (в значительной мере за счет соседних Польши и Литвы).

5. Заключение

Проведенное исследование подтверждает предположение, что продовольственное эмбарго 2014 г. с точки зрения роста продовольственного самообеспечения Калининградской области имело принципиальное значение. Активная реализация мер государственной поддержки АПК позволила увеличить производство сельскохозяйственной продукции и ее переработку, прежде всего по позициям, в которых область была наименее обеспечена: овощи, фрукты и ягоды, молоко и молокопродукты, мясо и мясопродукты. Однако базовый невысокий уровень развития АПК в регионе не позволил достичь пороговых значений самообеспеченности по большинству «санкционных» отраслей, за исключением производства мяса (при этом переработка мяса существенно упала). Если успехи в сельском хозяйстве заметны, то региональные производства пищевых продуктов, сырьевые связи которых выходили за границы области, не смогли удержаться на прежних позициях (прежде всего из-за сокращения импорта мяса и сухого молока).

Значимого числа новых предприятий АПК в период после 2014 г. не появилось, между тем рост большинства существующих крупных производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия действительно происходил. Концентрация финансовой поддержки крупными игроками рынка не является специфической чертой Калининградской области и в целом характерна для большинства российских регионов.

Территориальная структура сельскохозяйственного производства претерпела изменения за счет появления новых центров (наблюдалось включение в зону влияния агрохолдингов) в противовес эффекту сжатия, характерному для многих субъектов РФ. Это определяется как конфигурацией территории Калининградской области, так и особенностями ее транспортной сети, распределением земельного фонда, влиянием приморского положения, локальными институциональными особенностями.

обращения: 23.10.2021); Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам // Товарная структура экспорта. URL: <https://customs.gov.ru/folder/519> (дата обращения: 23.10.2021); Экспорт и импорт Российской Федерации по товарам // Товарная структура импорта. URL: <https://customs.gov.ru/folder/521> (дата обращения: 24.10.2021).

Вследствие происходящих в Калининградской области институциональных трансформаций, касающихся режима ОЭЗ, значительно изменились региональные условия производства. Сократился импорт и появились ограничения по вывозу готовой продукции на остальную территорию России в связи с отменой таможенных льгот. В географии импортных поставок существенно возросли позиции стран СНГ, прежде всего Беларуси.

Из-за непростой геополитической ситуации после 2014 г. и изменений в 2016 г. в регионе снижалась экономическая доступность продовольствия. В результате после 2014 г. потребление продовольствия сокращалось и было стабильно ниже установленных рациональных норм. Рост потребления восстановился лишь в последние два года.

Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов 2010-х годов, с одной стороны, отражала общестрановые тренды, с другой — имела уникальные черты. К последним можно отнести стремительные темпы роста сельского хозяйства с высокой отдачей от государственной поддержки и сравнительно дисперсное распространение ключевых центров производства, что в сочетании внесло ощутимый вклад в рост продовольственной самообеспеченности Калининградской области. Тренд на снижение экономической доступности продовольствия характерен для большей части территории России, однако эксклавное положение региона в кризисные годы обуславливало его большую чувствительность к ситуации в экономике. Это, в свою очередь, отражалось в покупательной способности населения региона.

Литература

- Виссер, О., Мамонова, Н., Споор, М., Никулин, А. (2015). Тихий продовольственный суверенитет среди громкой продовольственной безопасности. В: *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки*, 10, 10–35.
- Водясов, П. В. (2018). Продовольственная безопасность региона. *Вектор экономики*, 5, 92–103.
- Волошенко, К. Ю. (2021). *Экономическая безопасность приграничного региона*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта.
- Зорина, А. И. (2018). Влияние санкционной политики на продовольственную безопасность региона на примере молочной отрасли Калининградской области. *Управление инвестициями и инновациями*, 2, 37–42. <https://doi.org/10.14529/iimj180206>
- Зотов, В. Б. (2006). *Продовольственная безопасность России*. М.: Издательский Дом НП.
- Корнекова, С. Ю. (2015). О региональном уровне продовольственной безопасности России. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 6 (96), 17–22.
- Морачевская, К. А., Зиновьев, А. С., Краснов, А. И., Краснова, М. В. (2020). Динамика территориальной структуры молочной отрасли российско-белорусского приграничья в 2010-е годы. *Вестник Московского университета. Серия 5. География*, 3, 63–72.
- Никифорова, И. В. (2015). Импортная продовольственная зависимость как угроза продовольственной безопасности Калининградской области. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*, 3, 84–90.
- Никифорова, И. В. (2008). Методические подходы к оценке продовольственной безопасности Калининградской области. *Альманах современной науки и образования*, 3, 134–137.
- Троцук, И. В., Никулин, А. М., Вегнер, С. (2018). Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия. *Мир России. Социология. Этнология*, 1, 34–64. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-34-64>
- Ускова, Т. В., Селименков, Р. Ю., Анищенко, А. Н., Чекавинский, А. Н. (2014). *Продовольственная безопасность региона*. Вологда: ИСЭРТ РАН.

- Федоров, Г. М., Волошенко, К. Ю., Горочная, В. В., Гуменюк, И. С., Дружинин, А. Г., Зверев, Ю. М., Кузнецова, Т. Ю., Лачининский, С. С., Лялина, А. В., Михайлова, А. А. (2019). *Проблемы экономической безопасности регионов западного побережья России*. Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта.
- Федоров, М. В., Курдюмов, А. В. (2013). *Механизм обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации*. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та.
- Филиппов, Р. В. (2017). *Экономико-географические особенности формирования продовольственной безопасности региона*. Дис. ... канд. географ. наук. Иркутск.
- Шагайда, Н. И., Узун, В. Я. (2015а). *Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы*. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.
- Шагайда, Н. И., Узун, В. Я. (2015б). Продовольственная безопасность: проблемы оценки. *Вопросы экономики*, 5, 63–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-5-63-78>
- Born, B. and Purcell, M. (2006). Avoiding the local trap: scale and food systems in planning research. *Journal of Planning Education and Research*, 26, 195–207. <https://doi.org/10.1177/0739456X06291389>
- Donald, B., Gertler, M., Gray, M. and Lobao, L. (2010). Re-regionalizing the food system? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3, 171–175. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq020>
- Graef, F., Sieber, S., Mutabazi, K., Asch, F., Biesalski, H., Bitegeko, J., Bokelmann, W., Bruentrup, M., Dietrich, O., Elly, N., Fasse, A., Germer, J., Grote, U., Herrmann, L., Herrmann, R., Hoffmann, H., Kahimba, F., Kaufmann, B., Kersebaum, K., Kilembe, C., Kimaro, A., Kinabo, J., König, B., König, H., Lana, M., Levy, C., Lyimo-Macha, J., Makoko, B., Mazoko, G., Mbaga, S., Mbogoro, W., Milling, H., Mtambo, K., Mueller, J., Mueller, C., Mueller, K., Nkonya, E., Reif, C., Ringler, C., Ruvuga, S., Schaefer, M., Sikira, A., Silayo, V., Stahr, K., Swai, E., Tumbo, S. and Uckert, G. (2014). Framework for participatory food security research in rural food value chains. *Global Food Security*, 3 (1), 8–15. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2014.01.001>
- Hinrichs, C. (2013). Regionalizing Food Security? Imperatives, Intersections and Contestations in a Post-9/11 World. *Journal of Rural Studies*, 29, 7–18. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.09.003>
- Kneafsey, M. (2010). The region in food-important or irrelevant? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3, 177–190. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq012>
- Leroy, J., Ruel, M., Frongillo, E., Harris, J. and Ballard, T. (2015). Measuring the access dimension of food security: A critical review and mapping of indicators. *Food and Nutrition Bulletin*, 36 (2), 167–195. <https://doi.org/10.1177/0379572115587274>
- Ostry, A. and Morrison, K. (2013). A method for estimating the extent of regional food self-sufficiency and dietary ill health in the province of British Columbia, Canada. *Sustainability*, 5 (11), 4949–4960. <https://doi.org/10.3390/su5114949>
- Rooyen, J. and Sigwele, H. (1998). Towards regional food security in southern Africa: a (new) policy framework for the agricultural sector. *Food Policy*, 23 (6), 291–504.
- Singh, A., Singh, A. and Ram, F. (2014). Household food insecurity and nutritional status of children and women in Nepal. *Food and Nutrition Bulletin*, 35 (1), 3–11. <https://doi.org/10.1177/156482651403500101>
- Upton, J. B., Cissé, J. D. and Barrett, C. (2016). Food security as resilience: reconciling definition and measurement. *Agricultural Economics*, 47 (S1), 135–147. <https://doi.org/10.1111/agec.12305>

Статья поступила в редакцию 25 декабря 2021 г.

Статья рекомендована к печати 15 июня 2022 г.

Контактная информация:

Волошенко Ксения Юрьевна — KVoloshenko@kantiana.ru
 Морачевская Кира Алексеевна — k.morachevskaya@spbu.ru
 Новикова Анна Александровна — anna.novikova@kgtu.ru
 Лыжина Елена Александровна — helen.lyzhina@gmail.com
 Калиновский Леонид Викторович — kalinovskiy-lv@ranepa.ru

Transformation of food self-sufficiency of Kaliningrad Oblast in the face of external challenges*

K. Yu. Voloshenko¹, K. A. Morachevskaya²,
A. A. Novikova³, E. A. Lyzhina⁴, L. V. Kalinovskiy⁵

¹ I. Kant Baltic Federal University,
14, ul. A. Nevskogo, Kaliningrad, 236008, Russian Federation

² St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation

³ Kaliningrad State Technical University,
1, Sovetskii pr., Kaliningrad, 236002, Russian Federation

⁴ Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation

⁵ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
82, pr. Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation

For citation: Voloshenko, K. Yu., Morachevskaya, K. A., Novikova, A. A., Lyzhina, E. A., Kalinovskiy, L. V. (2022). Transformation of food self-sufficiency of Kaliningrad Oblast in the face of external challenges. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*, 67 (3), 409–430. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302> (In Russian)

Foreign trade relations of Russia in the 2010s developed in the context of various geopolitical challenges, which led to a radical transformation of the volume and geography of export-import operations, including the food sector. The 2014 food embargo triggered an intensification of the import substitution policy in the Russian agriculture and food production. The value of the import component in the food market, the basic level of agriculture and food production development, and the level of diversification and localisation of raw material relations of enterprises acted as differentiating factors in the influence of new external challenges on the food self-sufficiency of the regions. Kaliningrad Oblast is of particular interest for studying the transformation of food self-sufficiency, taking into account the exclave position, the low level of agriculture development a decade ago, close export-import relations with European countries until 2014. The paper calculates food self-sufficiency indicators, analyses territorial and sectoral shifts in agriculture and food production, and estimates changes in the import component in the food market of Kaliningrad Oblast. The data of the federal state statistics service, the Kaliningrad regional customs, as well as the results of expert interviews and visual observations conducted by the authors in August 2020 are used. It was revealed that the transformation of food self-sufficiency in Kaliningrad Oblast, on the one hand, reflected national trends, and, on the other hand, had unique features. The latter were characteristic of changes in the food independence of the region. Its increase was associated with the rapid growth of agriculture with a high return of government support. In addition, there was a relatively dispersed distribution of key centers of agricultural production, atypical for many regions of “mainland” Russia. The beneficiaries of the free niches on the market, which opened after the food embargo in 2014, as in most of the territory of Russia, were large agroholdings, but many of them, in contrast to those located in the interior regions of the country, were rather acutely experiencing the ruptures of raw materials ties.

Keywords: food security, food embargo, food self-sufficiency, import substitution, Kaliningrad Oblast.

* The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 20-05-00739. Cartographic materials were prepared as part of the research work of the state task of the RANEPА.

References

- Born, B. and Purcell, M. (2006). Avoiding the local trap: scale and food systems in planning research. *Journal of Planning Education and Research*, 26, 195–207. <https://doi.org/10.1177/0739456X06291389>
- Donald, B., Gertler, M., Gray, M. and Lobao, L. (2010). Re-regionalizing the food system? *Cambridge Journal of Regions and Economy and Society*, 3, 171–175. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq020>
- Fedorov, M. V. and Kurdiumov, A. V. (2013). *The mechanism for ensuring food security of the Russian Federation*. Ekaterinburg: Ural. gos. ekon. un-t Publ.
- Fedorov, G. M., Voloshenko, K. Yu., Gorochnaya, V. V., Gumenyuk, I. S., Druzhinin, A. G., Zverev, Yu. M., Kuzneczova, T. Yu., Lachininskij, S. S., Lyalina, A. V. and Mikhajlova, A. A. (2019). *Problems of economic security of the regions of the western borderland of Russia*. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta Publ. (In Russian)
- Filippov, R. V. (2017). *Economic and geographical features of the formation of food security in the region*. PhD thesis. Irkutsk. (In Russian)
- Graef, F., Sieber, S., Mutabazi, K., Asch, F., Biesalski, H., Bitegeko, J., Bokelmann, W., Bruentrup, M., Dietrich, O., Elly, N., Fasse, A., Germer, J., Grote, U., Herrmann, L., Herrmann, R., Hoffmann, H., Kahimba, F., Kaufmann, B., Kersebaum, K., Kilembe, C., Kimaro, A., Kinabo, J., König, B., König, H., Lana, M., Levy, C., Lyimo-Macha, J., Makoko, B., Mazoko, G., Mbaga, S., Mbogoro, W., Milling, H., Mtambo, K., Mueller, J., Mueller, C., Mueller, K., Nkonya, E., Reif, C., Ringler, C., Ruvuga, S., Schaefer, M., Sikira, A., Silayo, V., Stahr, K., Swai, E., Tumbo, S. and Uckert, G. (2014). Framework for participatory food security research in rural food value chains. *Global Food Security*, 3 (1), 8–15. <https://doi.org/10.1016/j.gfs.2014.01.001>
- Hinrichs, C. (2013). Regionalizing Food Security? Imperatives, Intersections and Contestations in a Post-9/11 World. *Journal of Rural Studies*, 29, 7–18. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2012.09.003>
- Kneafsey, M. (2010). The region in food-important or irrelevant? *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*, 3, 177–190. <https://doi.org/10.1093/cjres/rsq012>
- Kornekova, S. Iu. (2015). On the regional level of food security in Russia. *Izvestiia Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta*, 6 (96), 17–22.
- Leroy, J., Ruel, M., Frongillo, E., Harris, J. and Ballard, T. (2015). Measuring the access dimension of food security: A critical review and mapping of indicators. *Food and Nutrition Bulletin*, 36 (2), 167–195. <https://doi.org/10.1177/0379572115587274>
- Morachevskaya, K. A., Zinoviyev, A. S., Krasnov, A. I. and Krasnova, M. V. (2020). Dynamics of the territorial structure of dairy sector in the Russian-Belarusian borderland during the 2010-s. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya V, Geografiia*, 3, 63–72. (In Russian)
- Nikiforova, I. V. (2008). Methodological approaches to assessing food security of the Kaliningrad region. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 3, 134–137. (In Russian)
- Nikiforova, I. V. (2015). Import food dependence as a threat to food security in the Kaliningrad region. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*, 3, 84–90. (In Russian)
- Ostry, A. and Morrison, K. (2013). A method for estimating the extent of regional food self-sufficiency and dietary ill health in the province of British Columbia, Canada. *Sustainability*, 5 (11), 4949–4960. <https://doi.org/10.3390/su5114949>
- Rooyen, J. and Sigwele, H. (1998). Towards regional food security in southern Africa: a (new) policy framework for the agricultural sector. *Food Policy*, 23 (6), 291–504.
- Shagaida, N. and Uzun, V. (2015a). *Food security in Russia: monitoring, trends and threats*. Moscow: «Delo» RANKhiGS Publ. (In Russian)
- Shagaida, N. and Uzun, V. (2015b). Food security: Problems of assessing. *Voprosy Ekonomiki*, 5, 63–78. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-5-63-78> (In Russian)
- Singh, A., Singh, A. and Ram, F. (2014). Household food insecurity and nutritional status of children and women in Nepal. *Food and Nutrition Bulletin*, 35 (1), 3–11. <https://doi.org/10.1177/156482651403500101>
- Trotsuk, I., Nikulin, A. and Wegren, S. (2018). Interpretations and Dimensions of Food Security in Contemporary Russia: Discursive and Real Contradictions. *Mir Rossii*, 1, 34–64. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-34-64> (In Russian)
- Upton, J. B., Cissé, J. D. and Barrett, C. (2016). Food security as resilience: reconciling definition and measurement. *Agricultural Economics*, 47 (S1), 135–147. <https://doi.org/10.1111/agec.12305>
- Uskova, T. V., Selimenkov, R., Yu., Anischenko, A. N. and Chekavinsky, A. N. (2014). *Food security of the region*. Vologda: ISERT RAN Publ. (In Russian)

- Visser, O., Mamonova, N., Spoor, M. and Nikulin, A. (2015). Quiet food sovereignty among loud food security. In: *Krest'ianovedenie: Teoriia. Istorii. Sovremennost'. Uchenye zapiski*, 10, 10–35.
- Vodyasov, P. V. (2018). Food security of the region. *Vektor ekonomiki*, 5, 92–103. (In Russian)
- Voloshenko, K. Iu. (2021). *Economic security of the border region*. Kaliningrad: BFU im. I. Kanta. Publ.
- Zorina, A. I. (2018). The impact of sanctions policy on food security of the region on the example of the dairy industry of Kaliningrad region. *Upravlenie investitsiiami i innovatsiiami*, 2, 37–42. <https://doi.org/10.14529/iimj180206> (In Russian)
- Zotov, V. B. (2006). *Food security of Russia*. Moscow: Izdatel'skii Dom NP Publ.

Received: December 25, 2021

Accepted: June 15, 2022

Authors' information:

Ksenia Yu. Voloshenko — KVoloshenko@kantiana.ru

Kira A. Morachevskaya — k.morachevskaya@spbu.ru

Anna A. Novikova — anna.novikova@kgtu.ru

Elena A. Lyzhina — helen.lyzhina@gmail.com

Leonid V. Kalinovskiy — kalinovskiy-lv@ranepa.ru